

М.Н. Сербул

Простакова

Центральный персонаж комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», помещица, урожденная Скотинина. Мать ее была «по прозванию Приплодиных». Детей в семье Скотининых было восемнадцать человек, но в живых остались только она да ее брат, Тарас Скотинин («иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались. Двое о святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли»).

Вконец разорив своих крестьян, Простакова проявила особый интерес к дальней родственнице по мужу, Софье, одинокой девушке. Единственный покровитель Софьи, дядя Стародум, несколько лет назад уехал в Сибирь, и с тех пор о нем «ни слуху, ни вести». Простаковы, видя, что Софья осталась одна, увезли ее в свою деревню, где надзирают «над ее именем, как над своим». Опасаясь возвращения Стародума, Простакова уже несколько лет его за упокой в «памятцах» поминает.

Чтобы скрыть свое незаконное управление именем Софьи, Простакова решает выдать ее замуж за своего брата, помещика Скотинина. Неожиданно Софья получает письмо, из которого становится известно, что ее дядюшка жив, разбогател «трудами и честностью» и сделал Софью наследницей своего состояния.

Это сообщение меняет планы Простаковой. Она решает женить своего сына Митрофана на богатой невесте. Однако Софья любит молодого офицера Милона, который случайно попал со своими солдатами на постой в деревню Простаковых, куда вскоре приезжает и Стародум, дающий свое согласие на их брак.

Самодурка и тиранка, Простакова пытается похитить Софью и насильно обвенчать ее с Митрофаном, но Милон спасает свою невесту. Вся эта история разворачивается на глазах у члена наместничества честного дворянина Правдина, облеченного полномочиями брать в опеку имения жестокосердных и глупых помещиков. «Нарушительнице гражданского спокойствия» грозит суд. И хотя Софья прощает нанесенное ей Простаковой оскорбление, Правдин, видя, что Простакова готовится учинить очередную расправу над своими слугами, объявляет указ о взятии в опеку дома и деревень Простаковых. По определению Правдина, Простакова — «госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоустроенном государстве терпимо быть не может».

Простакова в полной мере наделена родовыми «скотининскими чертами», необходимыми для поддержания «порядка» в доме и хозяйстве. Не муж, а она подлинный глава семьи. Недаром, представляясь Стародуму, ее родственники называют себя по очереди: «Я сестрин брат», «Я женин муж», «А я матушкин сынок».

«Все сама управляюсь, батюшка, — сообщает Простакова Правдину. — С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю, то бранюсь, то дерусь; тем дом и держится, мой батюшка!» «Презлою фурией» назвал ее Правдин. Причина самодурства и произвола Простаковой кроется в том, что она уверена в неограниченности своих прав помещицы-крепостницы и следующей из этого безнаказанности. Она глубоко убеждена, что «властна» «в своих людях», в указе о вольности дворянства Простакова видит только подтверждение права дворянина высечь своего слугу, «когда захочет». Огорчает ее в отношении своих крестьян лишь одно: «С тех пор, как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!»

Простаков «холопьям потакать не намерена». «Мошенник», «скот», «воровская харя» — обрушивает Простакова на голову крепостного Тришки, сшившего «изряднехонько» кафтан «дитяти» Митрофану. «По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день» получает от Простаковой Еремеевна, верная и преданная служанка и нянька («мама») Митрофана, которую Простакова называет «старой хрычовкой», «скверной

харей», «собачьей дочерью», «бестией», «канальей». Возмущена Простакова и девкой Палашкой, что лежит и бредит, заболев, «как будто благородная».

На деспотизме и страхе в доме Простаковых основаны и семейные отношения. Простаков, «дурак бессчетный», полностью находится под каблуком у своей жены, называющей его «уродом», «рохлей», теленком». «Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! – признается Простаков Правдину. – Ничем не проймешь». Больше всех на свете Простакова любит своего сына Митрофана. Но характер этой любви сродни животному инстинкту. Такая любовь наглядно проявляется в словах Простаковой: «У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала?»

Простакова тиранствует только над теми, кто не может ей дать отпор, и готова унижаться и подличать перед сильнейшим. Узнав об угрозе суда, Простакова тут же падает на колени перед Правдиным, с большой непосредственностью винясь: «Ах я, собачья дочь! Что я наделала!» Признав же в Стародуме дядюшку Софьи, Простакова начинает говорить с ним «обробев и иструясь».

Простаков неглупа от природы, но невежественна. Ее презрительное отношение к науке и учению — следствие семейного воспитания. «Старинные люди, мой отец! – рассказывает она о своих родителях Стародуму. – Не нынешний был век. Нас ничему не учили. Бывало, добрые люди приступят к батюшке, улаживают, улаживают, чтоб хоть братца отдать в школу. ...Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет».

Теперь «век другой», и Простакова наняла трех учителей Митрофанушке: «для грамоты» — дьячка Кутейкина, «по арихметике» — отставного сержанта Цыфиркина, а «по-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман», как выясняется в конце пьесы, бывший кучер Стародума. Более всего Простакова довольна Вральманом, который «робенка не неволит». Ведь пока «Митрофанушка еще в недорослях», по разумению Простаковой, «пота его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави Боже, в службу, всего натерпится». Но Простакова надеется на то, что ее сыну «счастье на роду написано»: «Из нашей же фамилии Простаковых, смотрит-ка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка?»

Речь Простаковой в полной мере дает представление о ее быте, характере и поступках. Речь эта груба, часто примитивна, но в ней встречаются и меткие пословичные выражения («как за язык повешена», «где гнев, тут и милость», «повинную голову меч не сечет»). Ей свойственны и просторечия (первоет, деушка, арихметика, робенок, пота его и понежить), вульгаризмы («...а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...»). Провинциальное дворянское просторечие, весьма близкое к простонародному, определяет языковой запас Простаковой, уровень ее развития и характер житейских интересов.